

Саргсян Л. В.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СВЯЗИ ДВУХ СТОРОН ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Возросшее за последние десятилетия количество работ в сравнительно-сопоставительном и сопоставительно – типологическом аспектах свидетельствует о том, что в теории языка, в частности языкового знака, в цельносистемной типологии языков и даже в преподавании различных языков до сих пор остаются открытые вопросы, требующие всё новые исследования. Научные труды лингвистов нового поколения Баде Мехеранджали Виттхалпрао (1986), Е. Н. Поповой (1990), Медара Доминика Бада (1992), Фйши Майсара Эл-Сарраж (1996), Римы Сабе Айюб (2001), Л. В. Саркисян (2002) и др. – содержат конкретные результаты, отражающие специфику взаимосвязи единиц фонологического и морфологического уровней в типологически различных языках – русском, маратхи, йоруба, арабском, уйгурском, хакасском, армянском, английском. В итоге полученные данные применяются при разработках учебно-методических пособий предназначенных, например, для преподавания английского языка армянским студентам.

Сопоставительно-типологический анализ особенностей морфемного строения и звуковой формы слов в двух генетически общих, но типологически существенно различающихся языках – армянском и английском представляется актуальным, так как в ходе исследования на первый план выходит проблема соотношения формы и содержания, выявленная ещё В. Гумбольдом. Специфические закономерности связи между планом выражения и планом содержания, несомненно, является одной из центральных в лингвистике.

Долгое время языкознание развивалось в соответствии с представлением о произвольности языкового знака (Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М, 1990. – С. 148). Данная проблема рассматривалась с различных сторон А. А. Потебней, И. А. Бодуэном де Куртене, Э. Сепиром, Г. Гийомом, Э. Бенвенистом, а последние годы Г. Б. Джаукяном, Л. Г. Зубковой. Реформаторский в частности писал, что особенности звуковой формы и характера её связи со значением определяет ведущие грамматические тенденции – фузию и агглютинацию, синтетизм и аналитизм. Именно тип данной связи выявляет степень лексичности / грамматичности языка и отдельных классов слов как типологическую детерминанту (Зубкова 1990: 130; 1999).

Исследование этих языковых явлений преследует конкретные цели, которые заключаются в основном в выявлении значимости фундаментального семантического противоположения лексического и грамматического в морфемном строении и звуковой форме различных классов морфем и слов, функционально-семантические свойства, которых соотносятся с их звуковой формой.

Материалом на основе, которой проводится исследование, могут послужить художественные тексты, выбор которых зависит от степени их функционально-семантической сопоставимости.

В данном случае английский художественный текст-рассказ У. Сарояна “Нагу” сопоставляется с его же переводом на современный армянский литературный язык. В рассказе Сарояна удивительным образом точно и с юмором отражается американская реальность. Только наблюдатель со стороны, не коренной житель с другим менталитетом, в данном случае армянин по происхождению, мог так непринужденно и откровенно преподнести этот рассказ. Благодаря этой особенности его перевод на армянский язык оказался вполне сопоставимой.

В оригинале содержится 994 словоформы, в переводе имеется 904 словоформы, что указывает на преобладающий аналитизм английского языка и соответственно на синтетизм армянского языка. Для выражения идентичного смыслового содержания в английском тексте требуется примерно на 10% больше слов. Данное расхождение обусловлено различной нагрузкой служебных слов.

Специфика грамматического строя исследуемых языков ярко проявляется и в иерархии отдельных частей речи по частоте встречаемости. В армянском языке самыми частотными служебными словами являются союзы (11,4%), в английском – предлоги (12%). Довольно низкая частота предлогов (4,2%) и отсутствие артиклей в армянском тексте обусловлены синтетическим строем армянского существительного. Высокая частота предлогов (12%) и артиклей (6,5%) в английском тексте сопряжена с действием аналитической тенденции в английском существительном. Глагол охвачен аналитической тенденцией в обоих языках (в армянском 9,2% служебных глаголов, в английском – 7,2%).

Иерархия собственно-знаменательных частей речи по их частоте при идентичности смыслового содержания текстов одинакова: существительное –

глагол –

прилагательное –

наречие.

Лидерство первых двух частей речи, как считал Гумбольдт, указывает на «основной принцип» флективного строя языка – «четкое различие понятий предмета и отношения» (Гумбольдт 1984: 222).

Соотношение простых, производных и сложных слов в тексте зависит от доминирующей грамматической тенденции. Простые слова в английском тексте составляют почти 4/5 от всех слов текста, в армянском же к простым словам принадлежит только половина всех слов. В противоположность этому производные и сложные слова встречаются в армянском 2,5 – 2 раза чаще, чем в английском, что указывает на развитую аффиксацию и словосложение в армянском языке. Названные различия создаются главным образом за счет собственно-знаменательных слов (простые, производные и сложные в английском составляют 71,3%, 24,6% и 4,1%, в армянском – 26,9%, 60,6% и 12,5%). С повышением грамматичности класса слов частота простых слов возрастает. Поэтому среди местоимений и, ещё более, среди служебных слов в обоих языках преобладают простые слова.

В общем, во всех армянских частях речи, кроме местоимений, числительных и союзов, производных слов больше, чем в соответствующих английских. Все армянские части речи, имеющие сложные слова, кроме вспомогательных глаголов и местоимений, характеризуются более высокой долей сложений, чем соответствующие английские части речи, свидетельствует о большей грамматичности армянского в сравнении с английским.

Итак, армянское слово имеет более сложную структуру и может содержать до 7 морфем, хотя частотные слова включают не более 4 морфем. В английском слово содержит максимум 5 морфем, причем частотны только одно- и двухморфемные слова. В армянском число используемых моделей морфемного строения оказывается 1,5 раза выше.

И в английском, и в армянском модели распределяются по четырём типовым структурам, разделяясь на корневые, суффиксальные, префиксальные и префиксально-суффиксальные. В английском тексте частота преобладающих корневых моделей значительно выше (84,9%), чем в армянском (54%).

Следующая по рангу суффиксальная структура 3 раза чаще (42,4%) встречается, чем в английском (14,4%). Самые частотные слова состоящие из одного корня так же встречаются гораздо чаще в английском языке, чем в армянском (44,2% против 28,5%).

Среди флективных моделей корневой структуры так же вырисовываются характерные различия. В аналитическом английском наиболее частотна модель с нулевой флексией (16,1%) и реже модели с материально выраженной флексией (11,3%) и с внутренней флексией (7,1%). Выше названные модели характерны для изменяемых собственно-знаменательных частях речи, включая глагол: в служебных глаголах преобладает модель с внутренней флексией, за вспомогательными закреплена модель с материально выраженной флексией, а за модальными – модель с нулевой флексией. В армянском доминирует модель материально выраженной флексией (13,4%), гораздо реже модели с нулевой флексией (7,7%), а модель с внутренней флексией зафиксирована лишь дважды и только в местоимениях.

В словах суффиксальной структуры в английском суффикс выступает только в словообразовательной функции. В армянском тексте суффикс чаще употребляется в словоизменительной функции. Если число самых частотных моделей в английском тексте всего три, то в армянском их десять.

Разнообразие морфемных моделей и ярко выраженный синтетизм в армянском языке увеличивает возможности дифференции не только основных классов слов (собственно-знаменательных, несобственно-знаменательных и служебных слов), но и разграничения слов внутри этих классов слов, особенно в внутри собственно-знаменательного класса.

На первый взгляд, английский и армянский языки как будто мало различаются по степени лексичности / грамматичности. Если учитывать нулевые и внутренние флексии, то в обоих языках в тексте преобладают служебные морфемы, составляющие 58,2% в английском и чуть больше – 61,3% – в армянском.

Однако если принять во внимание только материально выраженные служебные морфемы, то соотношение служебных и знаменательных морфем в английском изменится и составит 1:1, а в армянском практически останется прежним и составит 3:2 (58,9% / 41,1%). Таким образом бóльшая грамматичность армянского слова становится явной, особенно если обратиться к собственно-знаменательным словам, и в частности к существительным и глаголам, для которых противоположение знаменательных и служебных морфем релевантно в первую очередь.

С исключением нулевых и внутренних флексий в английских собственно-знаменательных словах знаменательные морфемы доминируют над служебными (примерно в соотношении 2:1), тогда как в армянском преобладают служебные морфемы, особенно в глаголе (причем почти в том же соотношении).

Еще более явно различие между языками обнаруживается в соотношении служебных корней и аффиксов. В армянском частота аффиксов в 4 раза выше частоты служебных корней. В аналитическом английском нагрузка служебных корней в выражении грамматических связей выше, что становится особенно ясным, если исключить нулевые и внутренние флексии, тогда служебные морфемы поровну разделяются на служебные корни и аффиксы.

В обоих языках словоизменительные аффиксы доминируют над словообразовательными. В армянском и в том, и в другом варианте примерно 70% аффиксов являются словоизменительными. Сходное отношение наблюдается в английском, если учитывать нулевые и внутренние флексии. Без них частота словоизменительных аффиксов снижается до 54,8% и их перевес над словообразовательными уменьшается. Происходит это главным образом за счет собственно-знаменательных слов, в которых соотношение изменяется в пользу словообразовательных формантов

Посткорневые аффиксы преобладают в обоих сопоставляемых языках, составляя 87,9% в английском и 96,6% в армянском.

При сравнении служебных слов видно, что в них нагрузка аффиксов ограничена, но это ограничение сильнее в английских служебных словах, где корни составляют 82,6% / 91%, тогда как в армянских служебных словах их частота равна 70,3%.

Таким образом, ограничение аффиксации, во всяком случае, материально выраженной, в аналитическом английском является общей тенденцией и распространяется как на знаменательные, так и на служебные слова, что отчетливо выявляется в сравнении с армянским.

В заключении можно сказать, что данное исследование даёт нам возможность определить положение двух языков на шкале лексичности / грамматичности, как детерминантной типологической характеристики языка.

Явное преобладание среди называющих языковых знаков (собственно-знаменательных слов) немотивированных, т. е. простых слов корневой структуры, в английском языке и такое же явное доминирование мотивированных производных образований в армянском позволяет, следуя Ф. де Соссюру (Соссюр 1977:165-166), отнести английский язык к «лексическим» языкам, а армянский – к «грамматическим».

Лексичность английского языка проявляется также в двукратном преобладании лексических (знаменательных) морфем над материально выраженными грамматическими (служебными) морфемами в составе собственно-знаменательных слов, в меньшей нагрузке в них материально выраженных словоизменительных аффиксов сравнительно со словообразовательными в преимущественном использовании служебных слов для выражения грамматических связей.

Грамматичности армянского языка обнаруживается в двукратном преобладании служебных морфем над знаменательными в собственно-знаменательных словах, в ярко выраженном численном превосходстве слово-

изменяемых аффиксов над словообразовательными, в предпочтительном употреблении слово-изменяемых аффиксов для выражения грамматических связей.

Несмотря на названные различия в обоих языках осуществляется дифференция различных семитологических классов слов и отдельных частей речи по характеру их морфемного строения. Наличие такой дифференциации в английском языке пережившем значительную утрату флективных форм, свидетельствует о сохранении в нем основного принципа флективного строя, каковым, по В. Гумбольдту, является четкое разграничение частей речи (Гумбольдт 1984: 222). В армянском языке такая дифференциация более чем естественна.

В целом проведенное исследование подтверждает категориальный характер связи между двух сторон языкового знака – планом выражения и планом содержания (Зубкова 1999: 232).

Ссылки

- «1, С. 148»
- «2, С. 130»
- «3, С. 222»
- «4, С. 165-166»
- «5, С. 222»
- «6, С. 232»

Список литературы

1. Блумфилдт – Л.: Язык, 1968.
2. Кубрякова Е.С. Морфологическая структура слова в современных германских языках // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках, 1970.
3. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа, 1974.
4. Cambridge International Dictionary of English, 1995.
5. Webster's New Universal Unabridged Dictionary / Webster, Noah, 1983.
6. An Etymological Dictionary of Modern English / Weekly, Ernest, 1967.
7. Джаукян Г. Б. Вопросы компаративной грамматики, 1998.
8. Джаукян Г. Б. Проблемы теории и истории армянского языка, 2001.
9. Ачарян Р. А. Этимологический корневой словарь армянского языка, 1971-1979.
10. Абрамян С. Г., Панасян А.А., Оганян А. А. Современный армянский язык / Морфология, 1974.

Саркисова В. В.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВ С ВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ В ТЕКСТАХ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ

В устном творчестве разных народов представлены заговоры как одно из проявлений народного искусства слова. Именно заговоры на языковом уровне отразили динамику формирования человеческого сознания и мировоззрения на протяжении многих веков.

Объектом научного исследования заговор как особый жанр стал еще в XIX в. Вопросу о происхождении заговора в аспекте соотношения заговорного слова и действия уделяли внимание А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. А. Ветухов, Е. Н. Елеонская, В. Ф. Миллер, А. А. Шахматов, в более позднее время (начало XX в.) – А. А. Астахова, Н. Ф. Познанский.

Н. Крушевский и другие приверженцы мифологической школы использовали заговоры как материал для реконструкции мифов. В конце XIX – начале XX в. исследователи пытались также определить степень влияния христианской традиции на систему персонажей заговора, его образный ряд.

В XX в. в русле изучения различных процессов речевой деятельности внимание ученых направлено в том числе и на исследование процесса текстообразования. Фольклорные тексты в этой связи толкуются как суммы «застывших» смыслов. Изучением заговоров, прежде всего, как фольклорного жанра занимаются Г. А. Барташевич, Н. Н. Москаленко, В. В. Шевченко. С точки зрения деятельностного подхода фольклорный текст представлен в трудах Г. И. Мальцева, С. Е. Никитиной, А. Т. Хроленко и др. В. Н. Топоров исследует заговор как текст-код, О. А. Черепанова и А. В. Юдина посвятили свои работы заговорной ономастике.

Из собственно лингвистических работ еще можно назвать диссертацию Н. В. Гуляевой, описавшей лексику русского заговора.

При очевидной актуальности изучения этого жанра гуманитариями так же совершенно очевидна исследовательская лакуна в плане языковых особенностей заговора.

В настоящей работе исследуются употребляемые в заговорах слова с лексической семантикой времени – темпорлексема – с точки зрения семантических признаков, актуализируемых в тексте.

К выделенным темпорлексемам относятся слова день, ночь, заря.

День – наименее употребляемая лексическая единица, фиксируется преимущественно в любовных заговорах: «...Чтоб раб Божий (имя) скучал, от тоски отдыха не знал, ни днем светлым, ни ночью темной» [9, с.294].

При словоцентрическом подходе семантический объем лексемы определяется с учетом его словарной фиксации. Данная лексема в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. М. Ушакова (1935-1940 гг.) определяется как: «1. Часть суток, промежуток времени от утра до вечера. 2. Сутки, промежуток времени в 24 часа. || Неопределенный промежуток времени в пределах суток, принимаемый за отдельные сутки при счете в быту. 3. Промежуток времени (в пределах суток календарного дня), занятый какой-н. социальной деятельностью. 4. Календарная дата, число месяца, посвященное какому-н. событию. 5. только мн. Время, пора, период» [10, т.2, с.688]. И более чем через полвека «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТС) лишь незначительно корректирует дефиниции: ЛСВ₁ – «1. Часть суток от восхода до заката солнца, от утра до вечера. День прибавился на сорок минут.» [1, с. 251], ЛСВ₂ – такой же, однако без словоупотребления «|| Неопределенный промежуток времени в пределах суток, принимаемый за отдельные сутки при счете в быту» (Там же), в ЛСВ₃ смещены акценты: «Промежуток времени (в пределах суток календарного дня), характеризующийся чем-л. или предназначенный для чего-л., занятый чем-л. День отдыха. Субботний день.» (ср. «занятый какой-н. социальной